

УДК 811.161.1

DOI: 10.26907/2782-4756-2026-84-2-58-63

СИНТАКСИЧЕСКИЙ СБОЙ КАК ПРИЕМ КОММУНИКАТИВНОЙ СТРАТЕГИИ ПОВЕСТВОВАТЕЛЯ В ТЕКСТЕ ПОУЧЕНИЙ ФЕОДОСИЯ ПЕЧЕРСКОГО

© Константин Калинин

SYNTACTIC DEVIATION AS A COMMUNICATIVE STRATEGY OF THE NARRATOR IN FEODOSIY PECHERSKY'S TEACHINGS

Konstantin Kalinin

The article examines the use of a construction, found in the texts of Feodosiy Pechersky's Old Russian teachings, which can be defined as syntactic deviation (using a predicate in the form of the 1st person plural of the present/simple future tense instead of the expected imperative of the 2nd person plural). This technique, intentionally used by the narrator ("addresser"), allows not only drawing the listener's ("addressee's") attention to the expression of the text's communicative task, but also integrating it into the overall syntactic perspective of the unfolding text of the Old Russian teaching, which implements the "we" communicative model. This model is the most common one in the texts of Old Russian teachings, as it allows the narrator to avoid separating themselves from the listeners and emphasize the idea of shared salvation. The repeated use of the construction in the texts of the one narrator's teachings allows us to recognize it as a feature of his idiosyncrasy and consider it as a special method of conveying the author's idea. The consolidation of this syntactic construction in the teachings of Feodosiy Pechersky allows us to talk about its status as a speech formula. This is supported by the lexical and grammatical means of organizing the utterance. Thus, we can recognize this construction as an element of the given structure of the Old Russian text.

Keywords: Old Russian teachings, communicative strategy, narrator, role deixis, syntactic deviation, given text structure

В статье рассмотрены случаи употребления конструкции, встречающейся в текстах древнерусских поучений преп. Феодосия Печерского, которая может быть определена как синтаксический сбой (использование после обращения предиката в форме 1 лица множественного числа настоящего / простого будущего времени вместо ожидаемого императива 2 лица множественного числа). Этот прием, намеренно используемый повествователем («адресантом»), позволяет не только привлечь внимание слушателя («адресата») на выражение коммуникативной задачи текста, но и вписать его в общую синтаксическую перспективу развертывания текста древнерусского поучения, реализующую коммуникативную модель «мы». Эта модель является наиболее употребительной в текстах древнерусских поучений, так как позволяет повествователю не отделять себя от слушателей и подчеркнуть мысль о совместном спасении. Неоднократное употребление конструкции в текстах поучений одного повествователя позволяет признать ее чертой его идиостиля и рассматривать как особый прием передачи авторской идеи. Закрепление этой синтаксической конструкции в поучениях преп. Феодосия Печерского позволяет говорить о ее статусе речевой формулы. Это подкреплено лексическими и грамматическими средствами организации высказывания. В контексте сказанного можно признать эту конструкцию элементом заданной структуры древнерусского текста.

Ключевые слова: древнерусские поучения, коммуникативная стратегия, повествователь, ролевой дейксис, синтаксический сбой, заданная структура текста

Для цитирования: Калинин К. Синтаксический сбой как прием коммуникативной стратегии повествователя в тексте поучений Феодосия Печерского // Филология и культура. Philology and Culture. 2026. № 2 (84). С. 58–63. DOI: 10.26907/2782-4756-2026-84-2-58-63

Вопросы, связанные с изучением языковой организации структур текста, были и остаются актуальными для лингвистических исследований в свете достижений современной русистики. Особенно интересным представляется привлечение языкового материала древнерусской словесности для определения причин и условий развития динамических процессов и их отражение в истории развития русского литературного языка. Полагаем, что встраивание материала древнерусских текстов в общую перспективу развития текстовых категорий позволит не только определить причины тех или иных тенденций в организации структур текста, но и выявить их семантическую нагрузку в историческом аспекте. Такой подход, на наш взгляд, позволяет приблизиться к объемному пониманию текста как языкового феномена.

Поучения представляют собой значимый пласт текстов древнерусской словесности XI–XIII вв. Широкое распространение поучений обусловлено главным образом их идейно-тематическим содержанием и практической значимостью в эпоху распространения христианства на Руси. Их содержание наиболее прямо выражает главную цель древнерусской словесности – спасения души в «будущем веке». Особое место поучений закреплено тем, что вся древнерусская словесность носила «дидактический характер, и действия, и поступки, и помыслы людей оцениваются с учетом этой важнейшей цели» [1, с. 15]. Это позволяет рассматривать поучения не только как литературный жанр, но и как определенную речевую стратегию, проявляющуюся в текстах различной жанровой принадлежности (летописях, патериках, посланиях, торжественных словах, житиях и проч.).

Древнерусские поучения довольно глубоко изучены с позиций литературоведения как жанр словесности (М. В. Антонова [2], И. П. Еремин [3]), в также с позиций употребления языковых приемов выражения и усиления авторской модальности побудительности (С. С. Ваулина [4], Д. А. Серганова [5]). При этом тексты древнерусских поучений показательны и с точки зрения их коммуникативной организации: адресант и адресат в большинстве случаев названы прямо, а коммуникативная цель текста задана ситуацией общения.

Обращает на себя внимание иерархичность позиций участников коммуникативного акта, которая реализуется в двух аспектах, отражающих бинарную языковую картину мира древнерусского книжника. С одной стороны, повествователь занимает более высокое положение в церковно-общественной иерархии. Обычно в каче-

стве автора древнерусского поучения выступает игумен монастыря, епископ или другое значимое лицо, а в качестве слушателя – новообращенные христиане или братия монастыря. С другой стороны, повествователем в тексте поучения является духовный отец, наставник, который обращается к своим «любимцам», духовным чадам. Он реализует традиционную для описываемой эпохи риторическую стратегию «глашатая» вечных истин [6, с. 16]. Указанные аспекты коммуникативной ситуации отражают характерную для средневекового русского сознания бинарную картину мира (А. Н. Ужанков [1, с. 11]), в которой мир горний и дольний не противопоставлены друг другу, а выступают как единое пространство организации смысла в тексте поучения. Это отражается и в отборе повествователем языковых средств для передачи идейно-тематического содержания текста поучения, в частности в формировании коммуникативных стратегий, развертывании древнерусского текста.

Привлечение текстов древнерусских поучений как материала исследования позволяет проследить этапы формирования риторических стратегий повествователя («адресанта») и приемов оказания эмоционального воздействия на слушателей («адресата»). К таким приемам можно отнести синтаксический сбой как намеренное искажение или ошибочное употребление повествователем («адресантом») той или иной конструкции, приводящее к акцентированию внимания слушателя («адресата»).

Под синтаксическим сбоем мы понимаем намеренное нарушение автором организации заданной конструкции текста, определенной его синтаксической перспективой. К таким случаям можно отнести как так называемые грамматические «неправильности», сознательно включенные автором текста для привлечения внимания, так и разрушение традиционных форм синтаксического оформления структур текста. Эти фрагменты приобретают относительную самостоятельность и особое значение для понимания идейно-тематического замысла автора. Роль синтаксического сбоя в тексте, по указанию Г. Ф. Рахимкуловой, заключена в том, что он «активизирует читателя, заставляет его внимательно отслеживать намерения автора» [7, с. 105]. Это определяет значимость выделенного с помощью синтаксического сбоя отрывка текста.

Следует указать, что реализация синтаксического сбоя в текстовом пространстве значима даже при его единичном использовании. При этом более интересным случаем организации приема оказывается его повторение в одном тек-

сте или ряде текстов одного автора. Это позволяет говорить о том, что данная конструкция становится элементом идиостиля и передает особую идею, значимую для самого повествователя. Важно также обратить внимание на жанровую характеристику текстов, реализующих конкретный случай синтаксического сбоя. Анализ подобных примеров, несомненно, позволит понять особенности коммуникативной стратегии повествователя в текстах конкретных речевых жанров.

Стоит оговориться, что синтаксический сбой является не результатом слабой лингвистической компетентности повествователя, а намеренным приемом организации текста, который реализуется им сознательно и связан с выделением семантически значимых элементов текста. Об этом пишет И. Г. Овчинникова: «сбой принадлежит когнитивной сфере, связанной с протеканием ментальных процессов» [8, с. 85]. Поэтому обращение к подобным случаям организации текста позволяет понять авторскую интенцию повествования.

Одной из ключевых характеристик языковой композиции древнерусских поучений является заданная структура, под которой мы понимаем такой принцип организации, при котором «построение новых структур текста отталкивается от уже имеющихся и продолжает их, в этом раскрывается зависимость элементов текста разных уровней друг от друга» [9, с. 104]. Это проявляется в структурной и идейно-тематической зависимости текстов древнерусских поучений от сложившейся риторической традиции и ориентации на тексты Священного писания как образцовые. Все это требовало от древнерусского книжника не только знания широкого круга текстов христианской словесности, но и умения выстраивать свой текст по «образцу и подобию». Как отмечает Е. Л. Конявская, «древнерусский книжник, ментальность которого сформирована в рамках традиционалистского типа художественного сознания, ориентирован на написание „как надо“, а не на самовыражение и создание принципиально нового» [10, с. 24]. Характеристика словесной культуры русского Средневековья выражена В. В. Колесовым в следующей формуле: «идея известна – язык дан – текст задан» [11, с. 298]. Значимыми, на наш взгляд, оказываются не только случаи воспроизведения традиционных идей, языковых структур и форм организации текста, но и всевозможные отступления от них.

В контексте сказанного обращает на себя внимание одна конструкция текста, которая может быть квалифицирована как синтаксический

сбой. В поучениях преп. Феодосия Печерского она встречается шесть раз и поэтому не может быть признана случайным употреблением. Ее грамматическая особенность заключается в том, что после обращения к слушателям в тексте, организованном авторской модальностью побуждения, употребляется не ожидаемый императив 2 лица множественного числа, а форма настоящего / простого будущего времени 1 лица множественного числа. Эта синтаксическая конструкция нарушает традиционную для подобных построений модель. Приведем пример такого употребления: «Тъм же молю васъ, братиѣ моя любимаа, не отвръзъмъ упованіа своего» [3, с. 177]. Ожидаемая конструкция в предложенном контексте – «не отвързайте упованіа своего». Эта конструкция появляется в тексте поучения дважды: «Но отрясъмъ, молю вас, любимици мои, уныніе наше» [Там же, с. 177]. В этом фрагменте глагольная форма находится в препозиции относительно обращения. Ожидаемая конструкция в контексте – «но отрясите».

Выбор грамматической формы 1 лица единственного числа определяется в подобных построениях тем, что повествователь реализует коммуникативную модель ролевого дейксиса «мы», тем самым объединяет себя и слушателей в достижении единой цели спасения души [12, с. 358]. Отсутствие ожидаемого противопоставления «азъ/я ↔ вы», в целом характерного для языковой организации текстов древнерусских поучений, позволяет усилить эмоциональный эффект и показать вовлеченность повествователя в переживания о тех, к кому он обращается с речью.

Значимость описанной конструкции определяется и тем, что она повторяется в текстах разных поучений преп. Феодосия Печерского. По замечанию Ю. М. Папяна, «повторение информативно, оно говорит о простом правиле: если нечто повторяется, а значит, подчеркивается, выделяется, следовательно, это важно для передачи информации» [13, с. 66]. Поэтому анализ употребления указанной конструкции помогает понять, как устроен текст древнерусского поучения с точки зрения авторского видения.

Большинство предикатов данной конструкции употреблено в форме будущего времени, что позволяет говорить о том, что она помогает повествователю выразить коммуникативную задачу текста. Формы будущего времени выражают модальность побуждения, которая заключается в попытке оказать воздействие на адресата: «Братія моя и отци, и чада духовнаа, и съборе Богомъ събранный, и стадо Христова възлюбленное, възпрянемъ, яко от сына, от своихъ обычай и

от воли своих и възненавидимъ я, и имгъмся» [3, с. 182]. В этой конструкции коммуникативная задача выражена эксплицитно и реализована в сильной позиции текста.

Во фрагменте поучения преп. Феодосия Печерского «*Да молю вы ся, чада моя любимая, и братиа и отци, въспрянгъмь от сьна лъностнаго и не опечалгьемь Святаго Духа*» [Там же, с. 180] анализируемая конструкция реализуется в словесном ряде, называющем адресата текста. Можно отметить, что в своих текстах преп. Феодосий Печерский отводит слушателям более значимое положение, сознательно уничижает себя и выстраивает коммуникацию «снизу вверх», а не наоборот, как это определено в действительности: повествователь является духовным наставником и занимает высокое положение в церковной иерархии. На языковом уровне такая модель реализует важную идею смирения, которая позволяет достичь сердец новообращенных христиан не прямым повелением и предупреждением о каре за непослушание, а внушением и убеждением, мольбой «со слезами». Реализация коммуникативной стратегии «*мы*» поддерживает эту идею, характеризующую текстовое пространство поучений преп. Феодосия Печерского в целом.

Во всех примерах использования этой конструкции наблюдается переход от модели «*азъ/я ↔ вы*» к модели «*мы*»: «*Да и еще, любимици мои, молю вы ся: подвизаемься и възненавидимъ мира и яже в миргъ*» [Там же, с. 182]; «*Тгъм же, братие моя, <...> въсприимгъмь благаго Бога нашего законъ чистъ и заповгди его непорочны съблюдгъмь*» [Там же, с. 174]. Репрезентация адресанта текста заключается в употреблении предиката в форме 1 лица единственного числа *молю* и соответствующего притяжательного местоимения *мои*. Адресат текста назван через обращение и личное местоимение 2 лица единственного числа *вы*. При этом далее они не отделяются друг от друга в тексте и определяются как «*мы*». Это выстраивает в тексте поучения синтаксическую перспективу, определенную коммуникативной моделью ролевого дейксиса. В тексте она выстраивается с помощью предикатов и местоимений 1 лица множественного числа и соответствующих им притяжательных местоимений.

Обращает на себя внимание не только грамматическая, но и лексическая близость анализируемых конструкций. В четырех из шести случаев ее употребления предикат 1 лица множественного числа вводится в авторское повествование с помощью фразы «*молю вас/вы*». Сами предикаты представляют собой лексемы, передаю-

щие призыв к активному действию (*отверзгъмь – отрясгъмь – въспрянгъмь – възненавидимъ – имгъмся – не опечалгьемь – подвизаемься*). Также стоит отметить, что большинство глагольных форм передает оценочное значение по отношению к пресуппозиции текста и побуждает к активному действию по преобразованию модели мира слушателя. Это позволяет говорить о формировании речевых формул текста (термин В. В. Колесова) на лексическом и грамматическом уровнях.

Таким образом, описанная конструкция не является ошибочной и не случайно употреблена в текстах поучений преп. Феодосия Печерского. Она предстает как сознательный прием реализации коммуникативной стратегии повествователя, заключенной в активном переходе от модели «*азъ/я ↔ вы*» к модели «*мы*», и вписана в синтаксическую перспективу авторского повествования. Выбор той или иной коммуникативной стратегии определяется повествователем для достижения коммуникативной модели и связан с отбором типичных языковых средств выражения для реализации воздействующего потенциала – «стремлением изменить или скорректировать модель мира адресата» [14, с. 13]. Отклонение от традиционной формы, представляющее собой синтаксический сбой, по мере закрепления в текстах определенного тематического содержания и синтаксической перспективы становится элементом заданной структуры текста. Анализ подобных случаев позволяет проследить развитие приемов выражения позиции повествователя в тексте как отражение выбора определенной коммуникативной стратегии развертывания текста.

Список источников

1. Ужанков А. Н. Картина мира древнерусского книжника. Категории русской средневековой культуры. М.: Институт Наследия, 2022. 212 с.
2. Антонова М. В. Древнерусское послание XI–XIII веков: поэтика жанра: монография. Брянск: Курсив, 2011. 357 с.
3. Еремин И. П. Литературное наследие Феодосия Печерского // ТОДРЛ. М.; Л., 1947. Т. V. С. 167–184.
4. Ваулина С. С., Серганова Д. А. Модальность как способ раскрытия личности автора памятника древнерусской письменности «Поучение Владимира Мономаха» // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2021. № 1. С. 12–18.
5. Серганова Д. А. Побудительность как ключевой компонент авторской модальности в древнерусской ораторской прозе XI–XIII веков // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2022. № 3(46). С. 72–77.

6. Кузнецов И. В. Риторические стратегии литературного дискурса (на материале русской словесности XI–XIX вв.): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2009. 43 с.

7. Рахимкулова Г. Ф. Синтаксический сбой в прозе В. Набокова и его игровые функции // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2003. № 2 (122). С. 102–105.

8. Овчинникова И. Г. Синтагматические сбои в русской речи: интерпретация в свете актуальных моделей ментального лексикона // Вопросы психолингвистики. 2018. № 36. С. 84–98.

9. Калинин К. А. Заданная структура древнерусских поучений XI–XIII вв. в свете теории словесных рядов текста // Вестник Литературного института им. А. М. Горького. 2023. № 2-3. С. 104–113.

10. Конявская Е. Л. Авторское самосознание древнерусского книжника (XI – середина XV в.). М.: Языки русской культуры, 2000. 199 с.

11. Колесов В. В. Слово и текст в древнерусской традиции // Древнерусский литературный язык. М.: Издательство Юрайт, 2026. С. 275–296.

12. Калинин К. А., Колесникова С. М. Специфика коммуникативной организации текста древнерусских поучений // Преподаватель XXI век. 2026. № 1. Часть 2. С. 362–371.

13. Папаян Ю. М. Отбор и организация языкового материала (к проблеме категорий стилистики текста) // Вестник Литературного института имени А. М. Горького. № 2. М., 2005. С. 60–74.

14. Петренко Е. А. Коммуникативные стратегии и тактики древнерусского книжника и стратегии их реализации в «Повести о Варлааме и Иоасафе»: автореф. дис. ...канд. филол. наук. Владивосток, 2011. 25 с.

References

1. Uzhankov, A. N. (2022). *Kartina mira drevnerusskogo knizhnika. Kategorii russkoj srednevekovoj kul'tury* [The Worldview of the Old Russian Bookman. Categories of Russian Medieval Culture]. 212 p. Moscow, Institut Naslediya. (In Russian)

2. Antonova, M. V. (2011). *Drevnerusskoe poslanie XI–XIII vekov: poetika zhanra* [Old Russian Letters of the 11th–13th Centuries: The Genre Poetics]. 357 p. Bryansk, Kursiv. (In Russian)

3. Eremin, I. P. (1947). *Literaturnoe nasledie Feodosiya Pecherskogo* [The Literary Legacy of Feodosiy Pechersky]. TODRL. No. 5, pp. 167–184. Moscow, Leningrad. (In Russian)

4. Vaulina, S. S., Serganova, D. A. (2021). *Modal'nost' kak sposob raskrytiya lichnosti avtora pamyatnika drevnerusskoi pis'mennosti "Pouchenie Vladimira Monomaha"* [Modality as a Way of Revealing the Personality of the Author of the Monument of Old Russian Literature "Vladimir Monomakh's Instruction"]. Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: Filologiya, pedagogika, psihologiya. No. 1, pp. 12–18. (In Russian)

5. Serganova, D. A. (2022). *Pobuditel'nost' kak klyuchevoi komponent avtorskoi modal'nosti v drevnerusskoi oratorskoi proze XI–XIII vekov* [Persuasiveness as a Key Component of the Author's Modality in Old Russian Oratorical Prose of the 11th–13th Centuries]. *Aktual'nye voprosy sovremennoi filologii i zhurnalistiki*. No. 3(46), pp. 72–77. (In Russian)

6. Kuznetsov, I. V. (2009). *Ritoricheskie strategii literaturnogo diskursa (na materiale russkoi slovesnosti XI–XIX vv.): avtoref. dis. d-ra. filol. nauk* [Historical Strategies of Literary Discourse (Based on Russian Literature of the 11th–19th Centuries): Doctoral Thesis Abstract]. Moscow, 43 p. (In Russian)

7. Rakhimkulova, G. F. (2003). *Sintaksicheskii sboi v proze V. Nabokova i ego igrovyje funktsii* [Syntactic Failure in V. Nabokov's Prose and Its Play Functions]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Severo-Kavkazskii region. Obshchestvennye nauki*. No. 2(122), pp. 102–105. (In Russian)

8. Ovchinnikova, I. G. (2018). *Sintagmaticheskie sboi v russkoi rechi: interpretatsiya v svete aktual'nykh modelei mental'nogo leksikona* [Syntagmatic Failures in Russian Speech: Interpretation in the Light of Current Models of the Mental Lexicon]. *Voprosy psiholingvistiki*. No. 36, pp. 84–98. (In Russian)

9. Kalinin, K. A. (2023). *Zadannaya struktura drevnerusskikh pouchenij XI–XIII vv. v svete teorii slovesnykh ryadov teksta* [The Structure of Old Russian Teachings of the 11th–13th Centuries in the Light of the Theory of Word Series in the Text]. *Vestnik Literaturnogo instituta im. A. M. Gor'kogo*. No. 2–3, pp. 104–113. (In Russian)

10. Konyavskaya, E. L. (2000). *Avtorskoe samosoznanie drevnerusskogo knizhnika (XI – sredina XV v.)* [The Author's Self-Awareness of the Old Russian Scribe (the 11th–mid-15th century)]. 199 p. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury. (In Russian)

11. Kolesov, V. V. (2026). *Slovo i tekst v drevnerusskoi traditsii* [Word and Text in the Old Russian Tradition]. *Drevnerusskii literaturnyi yazyk*. Pp. 275–296. Moscow, Yurait. (In Russian)

12. Kalinin, K. A., Kolesnikova, S. M. (2026). *Spetsifika kommunikativnoi organizatsii teksta drevnerusskikh pouchenij* [The Specificity of the Communicative Organization of the Text of Old Russian Teachings]. *Prepodavatel' XXI vek*. No. 1, No. 2, pp. 362–371. (In Russian)

13. Papyan, Yu. M. (2005). *Otbor i organizatsiya yazykovogo materiala (k probleme kategorii stilistiki teksta)* [Selection and Organization of Linguistic Material (on the text stylistics categories)]. *Vestnik Literaturnogo instituta imeni A. M. Gor'kogo*. No. 2, pp. 60–74. (In Russian)

14. Petrenko, E. A. (2011). *Kommunikativnye strategii i taktiki drevnerusskogo knizhnika i strategii ikh realizatsii v "Povesti o Varlaame i Ioasafe": avtoref. dis. kand. filol. nauk* [Communicative Strategies and Tactics of the Old Russian Scribe and Their Implementation Strategies in "The Tale of Varlaam and Joasaph": Ph.D. Thesis Abstract]. Vladivostok, 25 p. (In Russian)

The article was submitted on 02.05.2026
Поступила в редакцию 02.05.2026

Калинин Константин Андреевич,
кандидат филологических наук,
исполняющий обязанности заведующего
кафедрой русской и татарской филологии,
Набережночелнинский государственный
педагогический университет,
423806, Россия, Набережные Челны,
Низаметдинова Р.М., 28.
filologkalinin@mail.ru

Kalinin Konstantin Andreevich,
Ph.D. in Philology,
Acting Head of the Department of Russian
and Tatar Philology,
Naberezhnye Chelny State Pedagogical
University,
28 Nizametdinov R. M. Str.,
Naberezhnye Chelny, 423806, Russian Federation.
filologkalinin@mail.ru